

Гностицизм I-II веков: вызов синкретизма и победа христианства

Митрофанов А.В.

Гностицизм как религиозное течение возник задолго до появления христианства. Этим термином был назван целый комплекс религиозных течений первых веков, «в которых особую роль играла категория гносиса – открытого спасителем (или спасителями) и сохраняемого эзотерической традицией тайного знания о Боге, мире и подлинной духовной природе человека; обладание подобным знанием (удостоиться которого могли лишь избранные) открывало путь к спасению»^[1]. Однако было бы интересно рассмотреть именно заключительную фазу его существования. Причем это интересно не столько с точки зрения воссоздания картины его «предсмертной агонии» в завершающей фазе, но прежде всего потому, что именно этот период стал не только временем заката, но и наибольшего расцвета гностического учения. Тем более что существование его в дохристианскую эпоху представляет гностицизм лишь одним из многих учений из числа религиозных культов, тайных учений, мистерий и т.д. Христианский же период рисует нам битву гигантов, в которой столкнулись две мощнейшие религиозные системы. Помимо этого также стоит принять во внимание, что подавляющее количество сохранившихся о гностицизме сведений относятся к позднему периоду его истории, т.е. тому, который рассматривается в этой работе.

Гностические учения, возникшие на рубеже эпох, дохристианской и христианской, существовали в масштабе человеческой истории не очень долгое время. Однако они оставили глубокий след в религиозной мысли и первыми ясно высказали идею синкретизма, ту идею, которая столь популярна в наше время и берется на вооружение практически всеми новыми религиозными течениями. Трудно

¹ Шабуров Н.В. Гностицизм // Новая философская энциклопедия: в 4 томах / Институт философии РАН, Мысль, Москва, 2000 г.

сказать определенно, что представлял собой гностицизм в своей сути. Он появился в то время, когда греко-римское язычество начало медленно умирать, теряя свой былой потенциал. Гностицизм сделал попытку взять все лучшее, что можно было найти в тех религиозных системах, современником которым он был. Причем он не просто заимствовал, он настаивал на том, что только приверженец его доктрин способен воспринять истинное знание (гнозис).

В то же время христианство, особенно раннего периода, также довольно динамично распространялось. Однако основным козырем христианства было не использование в новой редакции уже известных истин, а абсолютно новое, доселе не известное учение. Новое в самой сути, в том, что было положено в основу христианского учения. Причем трудно с первого взгляда было понять секрет христианства, поскольку во многих отношениях оно казалось «неудобным» для исповедания. Запреты на многие привычные вещи, охватывающие как личные, так и социально-нравственные нормы. В то же время христианство охватывало все социальные слои общества, не смотря на то, что большой процент ранних христиан составлял низшие слои. Все же ко II веку ситуация начала меняться, и универсальное влияние христианства стало более заметным.

В чем был секрет поражения гностицизма и победы христианства? Что упустил гностицизм, несмотря на все претензии к полному универсализму и его гибкую систему вероучения? Попробуем ответить на эти вопросы, рассмотрим, что же представлял собой гностицизм I–II века, в его «христианскую» эпоху существования.

Предыстория возникновения гностицизма

Перед тем, как начать рассмотрение гностицизма «христианской» эпохи, обратимся к предыстории гностицизма. Это необходимо для того, чтобы яснее понять, почему к тому периоду, который попадает в поле зрения, гностицизм стал именно таким, и именно такой оказалась расстановка сил, которая привела, в конце концов, к уже известному нам концу.

Поскольку сам гностицизм является религией синкретической, без четкого единого культа, и не имеет единого родоначальника, а сам процесс его оформления занял определенный срок, то устано-

вить точную дату его появления и досконально восстановить события периода зарождения не представляется возможным. Данные об этом времени весьма скудны, и многое мы вынуждены лишь предполагать. Причем как раз синкретическая природа гностицизма и является наибольшим препятствием для историков. Видя эллинское, вавилонское, египетское или иранское влияние, современные ученые стараются рассмотреть любую возможную их комбинацию с христианскими и иудейскими элементами. Однако трудно сказать, приближает ли это к разгадке. Любая из этих теорий может быть поддержана существующими источниками, и в то же время ни одна из них не может быть удовлетворительной. Вместе с этим ни одна из них не является комбинацией остальных, которые могут свести гностицизм к простой мозаике элементов и таким образом упустить из виду его собственную самостоятельную сущность. В целом, однако, мнение о восточной основе, на которой строится гностическая система, имеет преимущество перед одной лишь эллинской теорией, к чему каждый раз подталкивало само название гностицизма от греческого слова «гнозис». Сделанные в свое время коптские открытия в Верхнем Египте подчеркнули формирование неортодоксального оккультного иудаизма, хотя окончательно суждение по этому вопросу должно быть отложено вплоть до перевода всех полученных источников. Некоторая связь гностицизма с началами Каббалы в любом случае предполагалась, каковы бы здесь ни были причинно-следственные связи. И это несмотря на то, что жесткий антииудаизм некоторых его наиболее выдающихся представителей хорошо известен. Однако это не мешает быть твердо уверенным в связи Каббалы и гностицизма. Тем более что необходимо принимать во внимание, что гностицизм был во многом чрезмерно вольно интерпретирован. К тому же иудейская линия гностицизма столь же мало соответствует ортодоксальному иудаизму, как и вавилонская – ортодоксальной вавилонской, иранская – ортодоксальной иранской и так далее.

Несомненно, что те или другие национально-религиозные и философские факторы в различной мере участвовали в образовании тех или других гностических систем. И системы эти, как уже говорилось, представляли собой различные комбинации, отличаясь друг

от друга лишь степенью оригинальности. Что касается достоверных сведений, которыми располагает современная наука, то можно обозначить несколько моментов. Прежде всего это те изменения в мире и мировоззрении людей, которые произошли во время походов Александра Македонского. Благодаря им передняя Азия, а через нее и весь греко-римский мир приобрели контакты с Индией, которая перестала быть для этого мира неведомой страной^[2].

Другой важной особенностью стала возможная связь гностицизма с буддизмом. Вернее, с теми корнями, которые взрастили буддизм и сделали возможным его появление. Многие ученые не без основания видят в нем религиозную реакцию со стороны темнокожих доарийских обитателей, а этнологическая связь этих индийских племен с культурными расами, населявшими долину Нила, более чем вероятна. Общему племенному сходству должен был соответствовать и общий фон религиозных идей, на котором в Индии образовалась стройная религиозная система, давшая начало не только буддизму, но и индуизму и многим современным синкретическим культурам. Также необходимо заметить, что высший расцвет гностицизма произошел именно в Египте.

Таким образом, несмотря на многочисленные белые пятна в истории зарождения гностицизма, довольно ясно обозначаются предпосылки его появления. Прежде всего, это смешение различных мировоззренческих и религиозных систем с началом эпохи эллинизма после походов Александра Македонского, в результате чего возникло стремление примирить их на некой общей почве. Попытка эта вылилась в появление синкретических систем, наиболее заметной из которых стал гностицизм.

Источники изучения гностицизма^[3]

Источники изучения гностицизма — это, прежде всего, священные книги мандеев, которые сохранились до сих пор в нижнем течении Евфрата. Учение их в равной степени антихристианское и антииудейское, а Иоанн Креститель в их учении поставлен в роль

² См. М.Э. Поснов, Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним, Жизнь с Богом, Брюссель, 1991 г., стр. 547.

³ См. Ганс Йонас, Гностицизм, Лань, С-Пб., 1998 г.

Иисуса Христа. Название их происходит от арамейского «манда», что означает «познание». Таким образом «мандеи» дословно – «гностики». Отсюда и язык священных книг мандеев - арамейский. Тексты представлены трудами мифологического и догматического содержания, ритуальным и нравственным учением, а также литургией и коллекцией гимнов и псалмов, представляющих собой глубоко волнующую религиозную поэзию.

Также это коптские гностические источники, главным образом Валентинианской школы. Коптский язык был в свое время местным диалектом позднего эллинистического периода и образовался в результате смешения древнеегипетского языка с греческим. Наиболее значительные коптские источники были обретыены сравнительно недавно, в 1945 году, когда была найдена целая гностическая библиотека в Наг-Хамати (Хенобоскион). Среди целого собрания сочинений было много доселе неизвестных. В частности одни из главных трудов самого Валентина – «Евангелие истины». Также одной из ценнейших находок стал «Апокриф Иоанна», о которой в свое время упоминал Иринея. Общее количество найденных рукописей составило около 1000 папирусных страниц текста.

Помимо этого на коптском языке известна открытая в 1930 году библиотека манихейских папирусов. Специалисты датировали их VI веком н.э. Они сохранились в большом объеме, хотя и в не очень хорошем состоянии. Не просто установить, какие именно труды представляет собой данная библиотека. Предполагается, что это может быть воспроизведение одной из собственных книг Мани, известной прежде всего по заглавию и считавшейся безвозвратно потерянной – «Кифлая», что переводится как «Главы». Помимо этого библиотека содержит «Книгу псалмов», а также часть трудов авторов первого поколения после Мани. По своему значению эта находка сравнивается даже с открытием свитков Мертвого моря. Манихейские рукописи содержат как само учение, так и поэтические произведения.

Другой группой более поздних источников манихейской религии этого времени в ее восточной форме явились так называемые турфанские фрагменты на персидском и тюркском языках. Они были найдены при исследовании оазиса Турфан на северо-западе Китая в начале XX века. Эта находка является убедительным доказатель-

ством расцвета гностицизма в Центральной Азии.

Одним из наиболее известных гностических источников является произведение уже давно известное на Западе, которое приписывается Гермесу Трансмегисту, его часто называют по названию первого трактата «Поймандр». Неплохо сохранившийся сборник впервые был опубликован в XVI веке и представляет собой остаток египетской эллинистической литературы откровения, называемой «герметической» благодаря синкретическому отождествлению египетского бога Тота с греческим Гермесом. Многочисленные ссылки и цитаты у поздних классических писателей, и языческих, и христианских, увеличивают количество герметической мысли. Эта литература не в целом, а определенными своими частями отражает гностический дух. Она считается приближенной к алхимической литературе и некоторым греческим и коптским магическим папирусам, имеющим примесь гностических представлений. Герметический трактат «Поймандр», несмотря на некоторые признаки иудейского влияния, определяется как первый документ независимого языческого гностицизма.

Также гностический материал присутствует в некоторых апокрифах новозаветного периода, таких как Деяния Фомы и Оды Соломона. Их можно считать одними из лучших выражений гностической поэтической мысли и ярким примером гностического отношения к жизни и вере.

Из сделанного нами обзора видно, как выдающиеся гностики проявили резко выраженный интеллектуальный индивидуализм, и мифологическое воображение целого движения было неизменно изобильным. Свобода духовного творчества стала почти принципом гностического разума и была близко связана с учением о независимом «духе» как источнике непосредственного познания и вдохновения. Уже упоминавшийся нами Ириней наблюдал, что «каждый день каждый из них открывает что-то новое». Строители великих систем, такие как Птолемей, Василид, Мани, создали своеобразные и тщательно разработанные теоретические структуры, являвшиеся оригинальными творениями индивидуального разума и в то же время вариациями и разработками определенных основных тем, принимаемых всеми, так называемых «базовых мифов». На менее ин-

теллектуальном уровне подобное базовое содержание выражается в сказаниях, проповедях, практических указаниях, гимнах и молитвах. Чтобы увидеть единство целой области гностицизма перед тем, как обратиться к деталям, в общих чертах обрисуем его «базовый миф».

Основные гностические догматы¹⁴⁾

Учение о божестве

Прежде всего, для гностицизма был свойственен радикальный дуализм. Божество является абсолютно надмирным, его природа чужда этой вселенной, которая сама по себе полностью ему противопоставлена. Таким образом, божественное царство противопоставлено царству тьмы. Мир представляет собой творение низших сил, которые, не смотря на способность к творчеству, тем не менее не знают истинного бога и препятствуют познанию его. Происхождение этих низших сил – архонтов (правителей), как и весь остальной порядок бытия вне божества – основная тема гностической мысли. Трансцендентный бог присутствует во всех созданиях и непознаваем в естественных проявлениях. Для его познания требуется сверхъестественное откровение, которое, даже получив, трудно выразить иначе, как в отрицательных терминах.

Учение о творении

Вселение, владение архонтов, – это тюрьма, не имеющая пределов, которой является и земля. Вокруг и над ней располагаются семь сфер планет, окружающих восьмую неподвижную звезду. Иногда эта структура приобретала более пространственный вид, например, Василид насчитывал до 365 «небес». Но объединяющая мысль была таковой, что видимый мир от божественного отделяет не только пространство, но действующие демонические силы, которые в иерархическом порядке распределены по существующим небесам. В любом случае множественность небесных сфер подчеркивала осознание степени удаленности человека от божества. Сам образ семи сфер, которыми владеют семь архонтов, был, скорее всего, заимствован у планетарных богов вавилонского пантеона. Хотя сами имена архонтов соответствуют именам Бога Ветхого Завета (Эль-Шаддай,

⁴ См. Ред. С.И. Еремеев, Гностики или «О лжеименном знании», УЦИММ – Пресс, Киев, 1996 г.

Адонай, Саваоф и др.). Архонты управляют миром как сообща, так и независимо друг от друга. Их тираническое правление называется «гемармен» или вселенским Роком. Непосредственно их управление выражено в законах природы и на человека, как правило, воздействуют негативно, поработав его. Вместе с этим архонты преграждают путь душам, ищущим после смерти путь к божеству.

Учение о человеке

Согласно гностическому учению человек состоит из плоти, души и духа. Тело и душа человека являются частью мира и подчинены «гемармену» от начала и до конца. Заключенное в душе является духом, которая является частью божественной материи, попавшей в мир из-за его пределов. Таким образом, дух сдерживается телом и душой, которая в свою очередь также имеет семь сфер и является прообразом вселенских сфер, отделяющих человека от божественного мира. Так и духа отделяет дух от его первоисточника. Сама по себе душа невежественна и тем не менее в своем падшем состоянии сковывает дух. Пробудить и освободить ее возможно только через познание от духа: «Учению о мировом процессе соответствует и {этическая} система гностицизма, согласно которой задачей человеческого духа является искупление, достижение спасения, стремление вырваться из уз греховного материального мира»^[5].

Учение о последних днях

Однако познание чрезвычайно осложнено имеющейся ситуацией. Трансцендентный бог не известен в мире и не может быть открыт из него. Поэтому необходимо откровение. Таким образом, и неведение и откровение считаются изначально заложенными в общем сценарии существования мира. Носитель откровения является вестником из божественного мира, который проходит сквозь барьеры сфер и пробуждает дух от сна, передав ему откровение. Эта миссия начинается еще до сотворения мира, сразу после падения божественного элемента, ставшего «духом». Само познание включает в себя как теоретические знания о божестве, мире и человеке, так и практический путь восхождение к божеству. Этот путь включает в себя магические приемы, знание таинственных имен и священных формул, помогающих преодолеть небесные сферы. Наделенная истинным

⁵ Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении, Мысль, Москва, 1989 г.

знанием (гнозисом) душа после смерти идет вверх, преодолевая сферы. Таким образом, дух достигает божества и воссоединяется с ним. Это является восстановлением божественной целостности, которая до этого была ослаблена потерей некоторой доли божественной субстанции. По завершении этого восстановительного процесса космос придет к концу.

Учение о нравственности

В земной жизни все обладающие истинным знанием отделены от основной массы человечества. Это в свою очередь обуславливает определенные действия, основанные на истинных знаниях, неподвластных простым людям. Эти действия представляют собой враждебное отношение ко всем мирским связям, хотя на практике это выражалось не только в аскетике, но и в безнравственном и распущенном поведении. Первое, вполне понятно, представляло собой последовательное и жесткое уничтожение всех возможных контактов с миром и сведение их к минимуму. Второй подход, напротив, выводит из принципа враждебности миру право на абсолютную свободу: «Представление о том, что совершение греха подобно выполнению программы, а исполнение этой обязанности похоже на плату за окончательную свободу, является сильнейшей доктринальной опорой склонности к распущенности, свойственной гностическому бунту как таковому, и превращает ее в положительный неписанный закон аморальности»^[6]. Таким образом, если гностик свободен от гемармена, то он освобождается и от нравственного закона. Для него все дозволено, поскольку дух спасен в его естестве и не может быть ни запятнан его действиями, ни испуган угрозой возмездия архонтов. Однако эта свобода не просто безразличное отношение к общепринятым нормам, через намеренное их нарушение гностик разрушает замысел архонтов и парадоксальным образом способствует работе по спасению.

Основные представители гностицизма I–II веков

Конечно, зарождающееся христианство не могло не привлечь гностиков своим могучим внутренним потенциалом и новизной вероучительных идей, некоторые из которых были либо наполне-

⁶ Ганс Йонас, Гностицизм, Лань, С-Пб., 1998 г.

ны новым содержанием, либо вообще были достаточно новыми и необычными. Тем более что взаимовлияние гностицизма и раннего христианства было достаточно естественным: ведь приходящие новообращенные христиане (кто по неведению, а кто вследствие неискреннего обращения) привносили свои верования в новую религию и смешивали одни представления с другими. Неудивительно поэтому, что среди последователей христианской религии оказывались и лица, проникнутые гностическим духом. Но более всего на самом раннем этапе гностические идеи проникали через иудео-христианство, а точнее через иудаизм. Позже гностицизм стал проникать и через язычество. Однако необходимо отметить, что первый век существования христианства прошел достаточно спокойно. Особенно сильные столкновения, а также процесс взаимопроникновения между гностиками и христианами произошли во втором веке. Возникший христианский гностицизм представлял собой попытку реанимировать угасающее язычество и отчасти иудейство, привив их к христианскому стволу. Считается, что христианский гностицизм начинается с небезызвестного новозаветного персонажа – Симона-мага (волхва), упомянутого в библейской книге Деяний Апостолов 8:9-24, «от которого, по словам святых отцов, произошли все ереси... и получило свое начало лжеименное знание» (Епифаний Кипрский)^[7].

Симон-маг (Симон-волхв)

Единственным ярким представителем «христианского» гностицизма первого века является Симон-маг. Первое упоминание о Симоне встречается в новозаветном тексте Деян. 8:5-24, где он представлен как самарийский маг, имеющий довольно большую известность среди народа. Услышав проповедь апостолов, а точнее увидев их чудеса, Симон заинтересовался новым учением и даже принял крещение у иерусалимского диакона Филиппа. Однако позже его истинная натура проявила себя, и после обличения апостола Петра о Симоне в Новом Завете больше ничего не сообщается.

Дальнейшие сведения о нем находятся у Иустина Мученика (Философа) в его «Апологиях» и «Диалоге», который сообщает о нем и его ученике Менандре, что они выдавали себя за богов и даже имели

⁷ См. Шабуров Н.В. Гностицизм // Новая философская энциклопедия: в 4 томах / Институт философии РАН, Мысль, Москва, 2000 г.

успех в Риме. Этому сообщению придается большое значение, поскольку сам Иустин был родом из Самарии.

Позже Иринеи Лионский ссылается на Иустина и текст книги Деяний, подчеркивая правоту этих сведений и их связь тем, что новозаветные описания заканчиваются обличением Симона, но не его покаянием. Поэтому Иринеи заключает, что Симон учил, «что он есть тот самый, который между иудеями явился как сын, в Самарию нисходил Отцом, к прочим народам пришел как Святой Дух...».

Также интересные сведения о Симоне можно почерпнуть у неизвестного язычника Цельса, который приводит следующую цитату его высказываний о самом себе: «Я есмь Бог (или сын Бога, или божественный Дух). И я пришел. Мир уже разрушается. И вы, о люди, существуете, чтобы погибнуть из-за вашего беззакония. Но я хочу спасти вас. И вы видите меня вновь вернувшимся с силой небесной. Блажен тот, кто поклоняется мне сейчас! Но я предам вечному огню всех остальных и города, и страны. И люди, которые не успели оплатить свои долги, будут тщетно раскаиваться и терзаться. Но я оберегу тех, кто уверовал в меня»^[8]. В чем заключалось учение Симона?

Прежде всего, Елена (женщина, которая сопровождала его и которую он выдавал за Елену Прекрасную) есть мысль и мать всех вещей, через которую он – Симон – создал весь мир. Сотворив ангелов и власти, эта мысль была задержана сотворенными силами в низшем мире и удерживалась в этом состоянии, переходя из одного женского тела в другое. Она и есть та погибшая овца, о которой говорил Иисус. Поэтому Симон пришел в человеческом теле для того, чтобы вызволить ее и дать людям возможность спастись через познание его. Вместе с этим он пришел и для того, чтобы смирить не в меру возгордившихся ангелов.

Это те сведения, которые предоставляет нам Иринеи, давая этому учению более пространное описание, нежели мы находим у Иустина. Итак, каков собирательный портрет Симона-мага? Прежде всего, согласно Деяниям, он крещен, но явно не является христианином. Вместе с этим мы знаем, что Симон представлял собой сильного мага и учителя еще до его встречи с христианами, поэтому логично предположить, что его учение просто было дополнено цен-

⁸ Ганс Йонас, Гностицизм, Лань, С-Пб., 1998 г.

тральной христианской идеей о пришествии в человеческом теле Бога-Искупителя, что, впрочем, отчасти перекликается и с учением мистериальных культов. Тем более, что о нем сами самаряне говорили как о «каком-то великом», что уже тогда вполне могло означать попытки выдавать себя за бога, и магические манипуляции в этом случае призваны подтвердить его слова. Иустин дополняет, что его «божественность» признавали не только самаряне, принявшие его за «своего бога-искупителя» подобно тому, как у иудеев есть Иисус Христос, но и другие народы. Римляне даже почтили его статуей.

В таком случае получается, что у Симона не так уж много собственно христианских черт. Почему он в таком случае считается родоначальником «христианского» гностицизма? Прежде всего потому, что он был первым известным гностиком, связанным с ранним христианством. Далее его ученики еще более упрочили свои позиции на «христианском» основании. Сам же Симон и его ученик Менандр принадлежат к первому поколению гностиков, веку чудес, когда магия практиковалась достаточно широко, а сами они выдавали себя за богов. Последующие поколения эпохи Саторнилы и Василида нечего подобного не делали.

Ниже рассматривается несколько достаточно ярких представителей последующих поколений гностиков, которых можно сгруппировать на восточных (сирийских) и западных (александрийских). К первой группе относятся Саторнил, Василид и Маркион со своими последователями, а ко второй – Валентин и созданное им направление гностицизма.

Саторнил

Саторнил является представителем месопотамского гностического учения, которое оказывало свое влияние на средиземноморские территории задолго до христианства. Однако в нем это могучее учение как бы кристаллизуется в одной личности. Источники о нем достаточно скудны⁹. Он упоминается Иринеем, Тертуллианом, Ипполитом, Евсевием, Августином и некоторыми другими христианскими писателями. Известно, что он основал свою школу и имел последователей, которых Иустин и Августин называют «саторнили-

⁹ См. М.Э. Поснов, Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним, Жизнь с Богом, Брюссель, 1991 г., стр. 327.

анами». Однако его последователи были весьма немногочисленны, и школа просуществовала недолго. Отсюда и малое количество сведений, в основном почерпнутых у христианских апологетов.

Суммируя всю имеющуюся информацию о его учении, можно выделить следующие пункты:

1. Саторнил учил о существовании некоего «неведомого отца», создавшего, видимо путем эманации, ангелов, архангелов, силы и власти.

2. Наряду с отцом также существует вечная материя. Хотя эта мысль явно не выражается, однако она легко выводима логически, поскольку о ее творении богом не говорится ничего. Там более известно, что, по мнению Саторнилы, отец самоустранился от создания мира.

3. Из созданных отцом ангелов семь являются образователями мира из готовой материи.

4. Особым пунктом в процессе создания мира стоит создание ангелами человека. Мысль о создании человека ангелам пришла в результате созерцания ими некоего таинственного «светлого образа, явившемся от высшей силы», который их восхитил, но быстро исчез. Образ и подобие его они вознамерились воплотить в человеке. Однако их опыт оказался крайне неудачным, поскольку человек ничем не отличался от низших творений. Однако ввиду того, что человека все же намеревались создать по образу высшей силы, она сжалилась над человеком и послала ему утешение в виде искры жизни. Посему конец человека – в тлении, когда тело разлагается на составные элементы и поглощается материей, а искра возвращается к высшей силе.

5. Весь созданный мир семь ангелов поделили между собой. Один из них стал богом иудейского народа. Однако потом между этой семеркой и высшей силой разгорелось противоборство. Причем основным противником силы стал именно этот ангел.

6. Странным является то, что наряду с ангелами, материей и высшей силой также выступают сатана, демоны и злые люди, природа и место которых в общей картине не ясна.

7. В свою очередь противоборство ведется также и между семью ангелами и сатаной, основным является также иудейский ангел-бог.

Причем и та, и другая сторона посылает на землю своих пророков. Но об этом также мало сведений.

8. Пророчества ангелов касались пришествия Спасителя, который явится не в полном смысле человеком, а в призрачном теле, поскольку материя является злым началом. Однако цель пришествия Спасителя не поясняется. В то же время из текстов следует, что Спаситель придет уничтожить иудейского бога и других ангелов, демонов и злых людей. Добрых, т.е. верующих в него, он спасет. Особенно в добрых людях отмечается наличие искры жизни высшей силы. Однако в свете того, что ею обладают все люди без исключения, особенность этого не ясна. Возможно, имелось в виду, что ангелы и особенно иудейский бог каким-то образом препятствовали спасению.

9. Саторнил призывал своих последователей вести строгий аскетичный образ жизни. Запрещался брак и рождение детей, которые считались делом сатаны. Также практиковалось вегетарианство.

Василид

Василид остается одним из крупнейших (по Лосеву)^[10] и самых загадочных гностических деятелей, несмотря на то, что сохранились фрагменты его собственных сочинений и многочисленные ссылки на него христианских ересеологов. Однако загадочность эта кроется, скорее всего, в характере имеющихся свидетельств.

Собирательная картина учения Василида может быть составлена на основании обширных цитат христианских авторов: Климента, Иринейя, Ипполита, Евсевия, Филастрия и др. В виде отдельных пунктов её можно представить в следующем виде:

1. Во главе всего стоит единое, нерожденное, Отец всего. Путем эманации от него исходит ряд эонов: Нус, Логос, София и др. Из них, в свою очередь, проистекают «начала, власти и ангелы». Эти ангелы сотворили первое небо и его обитателей, те, в свою очередь, создали второе небо и т. д. Так последовательно было создано 365 небес. Глава или архонт небес называется Абрасакс (сумма букв этого имени составляет как раз 365). Пожалуй, это наиболее ясное и четко сформулированное положение учения Василида, которое дошло до нас.

¹⁰ Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении, Мысль, Москва, 1989 г.

2. Ангелы, создавшие последнее видимое нами небо, сотворили чувственный мир и разделили между собой по жребию землю и живущие на ней народы. Иудейский народ достался главному ангелу. Он и вывел его из Египта и дал ему закон.

3. Главный архонт задумал подчинить иудеям все остальные народы, однако остальные ангелы этому воспротивились, и началась война. В ответ на это Нерожденный Отец посылает своего первородного (эона) Нуса Христа, чтобы освободить людей от власти ангелов. Христос пришел на землю в человеческом теле, будучи, однако, бестелесной силой, посему отвергаются крестные страдания Христа. Вместо него, согласно Василиду, пострадал Симон Киринянин. Христос же невидимо вознесся к Отцу. С тех пор все верующие в Христа получают спасение душ, причем Василид в процессе спасения последовательно отвергал искупление тела и его воскресение. В этом вопросе все свидетельства довольно единодушны – Василид, по их мнению, был последовательным докетистом.

4. Что касается внешнего культа, то Василид и его ученики отрицали значение мученичества и исповедания. Вместе с тем своим последователям Василид внушал особое чувство горделивости, называя их «истинными гностиками», которые, являясь исключительными представителями рода человеческого, были «один из тысячи или два из десяти тысяч». Они «познавали ангелов и их причины, и благодаря этому делались незримыми и недоступными для всех ангелов и сил». Внушая презрение к непросвещенному миру, Василид учил: «Ты знай всех, а тебя пусть не знает никто». Это подчеркивает, что Василид был проникнут глубоким и искренним убеждением в особом избрании гностиков. Здесь и коренится его чувство особой горделивости. Однако русский исследователь Ю. Николаев справедливо замечает, что это не приносило ни ему, ни его последователям никакого удовлетворения, поскольку вместе с этим они признавали за собой ответственность за просвещение томящегося в неведении мира.

5. Вера в учении Василида была представлена так, как это обычно делали гностики – она представляется чем-то низшим, свойственным всем людям. Вера, по их мнению, – согласие души на признание бытия вещей, недоступных ощущениям. Василид даже при-

водит пример изумления и страх архонта, услышавшего Евангелие. Они, в результате, породили премудрость, разделяющую. Различающую, совершенствующую и восстанавливающую.

6. Что касается брака и безбрачия, то Василид на основании некоторых текстов Нового Завета (напр. Матф. 19:10-12 и 1 Кор. 7 гл.) приходит к выводу, что безбрачие выше брака. Его сын Исидор писал следующее: «Одежда... необходима и естественна: любовные же удовольствия естественны, но не необходимы». Всем безбрачным, подвергшимся искушениям плоти, предлагалось посещать собрания и получать утешение и ободрение братьев.

Данные сведения дополняют так называемые акты Архелая, представляющие собой немногочисленные выдержки из самого Василида. Эти акты являются неким Гегемонием, описывающим диспут между Манесом и епископом Архелаем, проходящий в Месопотамии. Эти писания предоставляют нам информацию о том, что учение Василида в сущности было персидским дуализмом. Что касается влияния учения Василида, то его можно увидеть в учении Маркиона, которому он был предтечей или, во всяком случае, его старшим современником.

Маркион

В отличие от многочисленных гностических течений, особенно офитских, базирующихся на языческих и иудейских представлениях, учение Маркиона противоположно им. Он в большей степени лишь предполагает мистико-религиозные, теософские или философские языческие элементы. Его язык – язык христианства, в котором выражается его страстное стремление к спасению и желание «исправить» само христианство.

Для этого Маркион особенно тщательно отбирал источники своего учения. Прежде всего он составил собственное евангелие, положив в его основу Евангелие от Луки и несколько изменив его. Также он признал авторитет 10 посланий, принадлежащих апостолу Павлу, внося в их текст собственную редакцию. Помимо этого он написал отдельную книгу «антитез», в которой изложил основные положения своей системы. Вместе с этим Маркиону приписывается ряд сочинений, которые не дошли до нас.

Подобно Василидовому, творения Маркиона не сохранились в подлиннике или хотя бы в копиях. Остались лишь выдержки христианских писателей: Тертуллиана, Епифания и комментарии Иеронима, использовавшего, в свою очередь, утраченные послания Оригена. Итак, суммируя выдержки, перед нами предстает следующая картина учения Маркиона, гностика, авторитет которого уступает разве что Валентину.

1. Маркион был равнодушен к сугубо гностическим проблемам, таким как эманации, зоны и демиург. Он оперирует больше христианскими и в частности сотериологическими понятиями. Поэтому особым образом в поле его зрения попадает личность Христа и дело, совершенное Им.

2. В тоже время личность Христа отличается строгим докетизмом. Он отрицает не только видимую смерть Христа, но даже Его рождение и плотское тело, а вместе с тем и сам факт беременности.

3. Докетические представления проявлялись и дальше, когда Маркион высказывал свое учение о противопоставлении Иисуса как Сына благого Бога и демиурга. В этом смысле Иисус должен быть во всем противопоставлен творцу материального мира и зла. Вместе с этим он провозглашал Ветхозаветный период царством демиурга и поэтому не признавал в нем пророчеств о пришествии Христа, подчеркивая, в частности, что Его никогда не называли Эммануилом. Для объяснения самого факта пророчества он полагал, что речь могла идти о мессии демиурга, например, о Елисее. В подтверждении своих слов Маркион противопоставляет истории исцеления Елисеем Неемана водой и исцеления Иисуса словом. Также то, что Елисей призвал демиурга проклясть детей, обзывающих его плешивым, тогда как Иисус благословлял детей. Елисей щадит и награждает только праведных, а Иисус – всех и т. д.

4. Нравственно-практическое учение Маркиона было тесно связано с его теоретическим учением. Иисус Христос принес царство благодати вместо космического царства демиурга. Люди должны стремиться войти в это царство дотоле неведомого благого Бога, Отца Иисуса Христа, а для этого необходимо освободиться от власти демиурга и уз плоти.

5. Из этого вытекает, что приближение к божеству необходимо

требует полного отречения от какой бы то ни было связи с материей. Здесь – основа для отрицания брака и проповеди строгого аскетизма.

Таким образом становится видно, что все учение Маркиона сосредоточилось на учении о Боге, о личности Христа, об искуплении и строгой морали. Изложенное учение Маркиона дает повод некоторым исследователям отрицать его принадлежность к гностикам. Тем более уже упоминалось, что его задачей, судя по всему, было не создание гностической школы или мистического учения, а реформирование самого христианства. Однако из дальнейшего хода событий следует, что ему это не удалось, и он начинает создавать собственные общины.

Однако учение Маркиона не совсем уж чуждо каким-либо влияниям извне. Например, Гарнак подчеркивает, что у него прослеживаются некие «этические противоположности», а, по мнению Де-Файе, манера Маркиона «называть Творца, критиковать Его и творение... не могли вытекать из простого изучения Библии. Черта, которую мы открыли, объясняется исключительно чужеземным влиянием». Здесь же играет роль и дуализм Маркиона, поскольку его демиург представляет собой полную противоположность благому Богу. То же справедливо и по отношению к его учению об Иисусе Христе. Само спасение он приписывает благому Богу, но оно простирается лишь на дух человека. Маркион учит о «пневматическом» спасении и невозможности воскресении плоти, т. е. о чисто гностическом спасении. Все эти черты, безусловно, являются влиянием неких синкретических течений того времени^[11].

Валентин

Валентин является самым ярким выразителем западного или александрийского гностицизма и, может быть, весьма характерным представителем гностицизма вообще. По более поздним свидетельствам известно, что школа Валентина распалась на западную и восточную. Это позволяет предполагать, что в ней был зародыш и восточного гнозиса^[12].

¹¹ См. Ганс Йонас, Гностицизм, Лань, С-Пб., 1998 г.

¹² См. М.Э. Поснов, Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним, Жизнь с Богом, Брюссель, 1991 г., стр. 476.

Исследовать учение Валентина можно лишь по немногочисленным отрывкам его сочинений и описаний ранних ересеологов христианской церкви. Отмечается, что Валентин был весьма одаренным человеком, даже по сравнению с другими гностическими учителями, также весьма небесталанных. Он был довольно глубоким философом, воспринявшим учение Платона и Пифагора. Знал писания ап. Павла, однако не понял его этическую идею. Также Валентин известен как блестящий оратор и редкий властитель дум своих последователей. С другой стороны, можно предполагать, что параллельно с этим он последовательно приводил в жизнь тезис своего учителя Василида: «Ты знай всех, а тебя пусть никто не знает», поскольку отмечают, что его ученики постоянно противоречили друг другу, будучи не в состоянии изложить некое единое учение своего наставника.

Итак, суммируем доступные немногочисленные сведения об учении Валентина:

1. Возможно, основа его учения было чисто мистической, поскольку известно его утверждение о том, что он якобы видел новорожденное дитя, которое на его вопрос «кто ты?» ответило, что оно – Логос.

2. Есть упоминания о том, что Валентин исповедовал трехчастный взгляд (трихотомию) на все сущее. Также он учил о невидимом Боге, из которого исходят сизигии и непарные образы. На основании этих образов создается мир феноменов, не имеющий непосредственного отношения к невидимому Богу. Создателем мира по образу невидимого Бога является демиург. О происхождении демиурга рассказывает книга Бытия под чувственным образом создания человека. Существом, содействующим демиургу, была София, называемая «художником», ее задача заключалась в том, чтобы сообщить созданию образ невидимого Бога. В этом мире душа занимает посредствующее положение: с одной стороны, она – дуновение различающего духа, с другой, принадлежит феноменальному миру. Но это вдохновение различающего духа произошло неведомым демиургу образом и случилось ему неизвестным.

3. Далее излагается мысль о создании человека, которая схожа с доктринами некоторых гностических учений, например, Васили-

да. Ангелы-мироздатели образовали лишь форму человека из глины. Поэтому они были объаты страхом, когда их произведение начало издавать звуки, так как в него было вложено нечто «через невидимое семя высшей сущности». Собственно, причина страха кроется не во внешней внезапности явления, но глубже, в боязни воскресения в созданном существе первичного человека. Поэтому «они утрашили и тотчас испортили свое дело». Порча, видимо, состояла в мистической власти ангелов над человеком. Поэтому в борьбе человека со злыми духами у него есть только один могучий помощник – праведник, «явление которого последовало через сына, и от него одного сердце сможет стать чистым, когда будет изгнан из него всякий злой дух».

4. Об Иисусе Христе есть замечание еще в одном фрагменте, в письме к некоему Агафроду. Здесь Христос представлен как образец непобедимого борца с искушениями. Он ел и пил свойственным ему образом, обратно пищи не извергая, такова была у него сила воздержания, что пища в нем не портилась, так как он сам был не подвержен тлению. Скорее всего, Валентин имеет ввиду под телом обычное учение о материи как зле, поэтому и дает Иисусу призрачное тело: тело ест и пьет, но не переваривает и не знает физической нужды.

5. Также в одной из ссылок на учение Валентина содержится упоминание обычного гностического деления людей на классы, выделяя ряд привилегированных, т. е. пневматиков. От лица Валентина в ней излагаются такие слова: «Вы бессмертны по самому своему происхождению и являетесь чадами жизни вечной. Вы пожелали принять участие в смерти, чтобы истощить ее и изгладить, чтобы в вас и через вас смерть прекратилась. Когда же освободите мир, то сами не исчезнете, а будете господствовать над созданием и всяким тлением». Хотя сложно сказать о точном понимании этих слов, поскольку у самого Валентина есть высказывания о том, что Иисус Христос является единственным праведником.

6. Также есть упоминания об эклектическом и синкретическом характере учения Валентина, что видно в следующем его высказывании: «Большая часть изречений народных книг находится в церкви Божьей, ибо речи, исходящие из сердца, общи всем, они есть за-

кон, написанный в сердце».

Из всех высказываний и отрывков учения Валентина можно сделать вывод: этические и сотериологические вопросы его не волновали. В большей мере он, как и другие гностики, пытался ответить на вопрос: откуда зло? Ответ не отличался оригинальностью – от ангелов-демиургов. Они «испортили» душу, происходящую из высшего мира. Злые духи завладели ею и сделали вместилищем пороков. Вместе с этим Валентин глубоко вскрывает органические корни самого зла.

Заключение

В ходе обзора различных гностических течений I–II вв. уже само перечисление дает достаточно любопытную информацию. Безусловно, сила гностицизма того периода состояла в том, что он делал попытку дать всеобъемлющие ответы на самые разные вопросы человечества. Его учения решали проблемы организации как бытовой жизни, подчиняя ее высшему смыслу, так и самой высшей формы служения истине. Человеческая жизнь в полной мере воспринималась гностицизмом.

Вместе с этим его несомненным плюсом также было и то, что гностицизм представлял собой целый букет различного рода движений, позволяющий разным социальным слоям общества подбирать себе вероучение, что называется, «на свой вкус». Кстати, ситуация весьма напоминающая наше время в вопросе постоянного процесса умножения вероучений из числа новых религиозных движений.

Однако давайте еще раз зададимся вопросом: почему все-таки гностицизм проиграл в противостоянии христианству, несмотря на все свои достоинства? Ведь «содержание гносиса, тайного знания, как раз и есть осознание человеком своей божественности, и обретение гносиса само по себе спасительно. Образцом такого самопознания и освобождения от всего мирского и телесного является Христос». Несомненно, гностицизм имел массу преимуществ и, конечно же, был более близок для психологического восприятия людей того времени, нежели чуждое и непонятное христианство. Однако видимо, необходимо признать, что некоторые достоинства гностицизма сыграли отрицательную роль. То многообразие, которое

было весьма привлекательно для многих, стало и отрицательным моментом. Многообразие вариантов хорошо тогда, когда нет серьезных проблем, и человек может позволить себе пофилософствовать более спокойно, будучи необремененным проблемами. Но ведь и гностицизм, и христианство в первую очередь решали проблемы отнюдь не самых благополучных слоев общества. Поэтому в той ситуации важна была не многообразность и вариативность, а конкретность и определенность. По крайней мере, это можно считать одной из причин того факта, что гностицизм практически сошел с исторической и религиозной сцены: «Христианская церковь выступила против недопустимого с ее точки зрения совмещения евангельской священной истории с языческим пантеизмом и мифологией. Во II в. гностицизм был побежден христианством и в дальнейшем продолжал существовать только в виде малозначащих и непопулярных сект и направлений» . И все же вернее было бы сказать «практически», поскольку духовное наследие его до сих пор живо и те религиозные принципы синкретизма и свободомыслия, которые были посеяны тогда, имеют до сих пор свои плоды в более современных вариантах различных вероучений.